

**СЕРГЕЙ
ГАРИН**

ИГРОК

Сергей Александрович Гарин

Игрок

Аннотация

«Когда-то, вероятно, он был красив, но безалаберная жизнь, бессонные ночи и вечные переживания наложили на его лицо печать собачьей старости. Да и сам он был весь какой-то расхлябанный, словно старая пролетка, у которой уже ослабли все гайки и рессоры от долгой езды по неудобным, кочковатым дорогам...»

Сергей Гарин

Игрок

Когда-то, вероятно, он был красив, но безалаберная жизнь, бессонные ночи и вечные переживания наложили на его лицо печать собачьей старости. Да и сам он был весь какой-то расхлябанный, словно старая пролетка, у которой уже ослабли все гайки и рессоры от долгой езды по неудобным, кочковатым дорогам.

Звали его Владимиром Аркадьевичем, а фамилия была – Левшин. Имел он небольшой домик на окраине Москвы и скромную торговлю москательными товарами. Но в лавку никогда почти не заглядывал, а ею заведовала жена – Анна Власьевна, женщина сухая, молчаливая. Было у Левшина двое детей: Васька, реалист шестого класса, и Аннушка, тихая, молчаливая девушка, не окончившая гимназии и помогавшая матери по хозяйству.

Однообразно тянулась жизнь в тихом домике у Серпуховской заставы. Владимир Аркадьевич обыкновенно возвращался из клуба в седьмом часу утра, отворял парадную французским ключом, неслышно пробирался в кабинет и спал на диване до полудня. Около часу дня он выходил в столовую, – маленькую, полутемную комнату в одно окно, – пил чай с калачом, просматривал газету... Аннушка сидела тут же, читая какую-нибудь книгу – и было тихо в этой комна-

те, и только круглые столовые часы нарушали упорным тиканьем жуткую тишину.

Около двух часов Левшин уезжал на бега и, возвратившись к обеду, заставлял всю семью. И если был в тот день в выигрыше, много говорил за столом, рассказывал детям забавные истории. В противном случае, сидел молча, мрачно уставившись в тарелку, и жевал нехотя, полусонно... А когда его о чем-нибудь спрашивали, долго смотрел тупым взглядом на спрашивавшего и только после этого отвечал.

После обеда следовал отдых до десяти часов вечера, а затем отъезд в клуб, до нового утра.

Так бежали дни. Однообразно, как бегут длинные, однообразные рельсы в неведомую даль. И только в праздники, выходя к утреннему чаю из кабинета, Левшин находил в столовой, кроме дочери, еще жену и сына.

И видя его в домашнем кругу, вечно удрученного, вечно о чем-то думающего, иногда заискивающего перед женой и детьми, иногда резкого и раздражительного, никто бы не узнал его за карточным столом в клубе, или в рублевых трибунах на бегах. Тут Владимир Аркадьевич казался совершенно другим, с ярким румянцем на щеках и с горящими, возбужденными глазами. И только, когда его карту били, или лошадь, на которую он ставил, приходила последней к столбу, – лицо Левшина делалось сразу землистым, глаза потухали, весь он как-то съеживался и был ужасно похож на побитую собаку.

Свободного состояния у Левшина не было. Были кой-какие деньжонки, но они лежали в товаре. Если бы Владимир Аркадьевич не был игроком, жить он мог бы совершенно безбедно: домик был собственный, от торговли получалась небольшая прибыль. Но за последние три года он только брал деньги из дела, дом заложил, и наступил уже срок платить проценты по второй закладной.

Был праздничный, но серый, безрадостный, зимний день... Владимир Аркадьевич стоял в халате у окна кабинета и тоскливо смотрел на улицу. На ней были все такие же маленькие деревянные особнячки, как и у него, – провинциального типа, с сугробами снега около крыльца, узенькими тротуарами и деревянными заборами. Изредка проезжал извозчик с седоком, а больше шмыгали пешеходы, скромно и не всегда тепло одетые...

Левшину было не по себе. Вчера он проиграл и в клубе, и на бегах, а на послезавтра нужно было иметь около тысячи рублей на проценты по закладной и на два векселя по четыреста рублей, выданные за товар. Будущее казалось суровым, но мозг Владимира Аркадьевича вяло работал. И не хотелось думать о том: где и как достать денег.

«А, ну их! – с досадой думал Левшин. – Тысячу рублей! Шутка сказать!»

Мысли невольно отвлеклись на игру. Левшин с завистью вспомнил вчерашнего героя клуба – трактирщика Хохрикова, выигравшего две с половиной тысячи за какой-нибудь

час.

«Вот везет же некоторым?! А мне – никогда! Сколько времени играю и никогда больше сотни за вечер не выигрывал!»

Ему в голову не приходило, что некоторые, а в том числе и Хохриков, выигрывали потому, что имели в игре выдержку, вовремя останавливались, вовремя уезжали из клуба домой.

«Нет, уж видно счастье особенное для игры должно быть... не иначе! А, может, у Хохрикова талисман какой есть?»

И чем больше думал Левшин о Хохрикове, тем больше убеждался, что трактирщик владеет талисманом для игры. Припомнились Владимиру Аркадьевичу достоверные слухи, когда кусок веревки от повешенного, или платок, смоченный в крови застрелившегося, или лапка мыши, пойманной в алтаре, – доставляли обладателям этих талисманов колоссальное счастье в игре.

«Где бы достать такой талисман? – с тоской думал Левшин. – Поиграл бы только неделю или две... наиграл бы десятков тысяч... бросил бы навсегда игру и занялся бы торговлей!»

В кабинет вошла Анна Власьева в темном кашемировом платье. Вяло посмотрела на мужа и села на кончик дивана.

– У обедни была... – сказала она, – Хорошо поют у Зосима и Савватия! А ты что же чай-то пить не идешь? – вдруг спросила она молчавшего мужа.

Тот выдержал паузу. Вздохнул.

– Сейчас иду!

Помялся и спросил, тупо глядя в окно:

– Много у нас... в кассе-то... денег?

Анна Власьевна потупилась.

– Денег-то?.. Да наберется с сотню!

– Только-то?

Левшин обернулся к жене и стоял перед ней с поднятыми бровями. Он был уверен, что сотни-то две у жены на платежи отложены...

Анна Власьевна покраснела, подняла голову и, вдруг, заговорила быстро, с ненавистью глядя на мужа:

– А откуда им быть больше-то?! Ты разве что даешь?.. Как помпа сосеешь из кассы-то, убивец ты этакий! – залилась она неожиданно слезами. – Не сегодня-завтра в петлю надо лезть, с собой решать... вот как Мирошка-сапожник сделал! Вот что!

Владимир Аркадьевич привык к слезам и упрекам жены и равнодушно к ним относился. Но его удивила весть о смерти сапожника, жившего к соседнем доме. Удивила тем более, что только вчера вечером он Мирошку видел на улице.

– Мирошка, ты говоришь?.. Повесился?.. Да не может этого быть!..

– Сегодня в ночь! – ответила, всхлипывая, жена. – Полиция-то там и по сию пору сидит!

И вдруг какая-то мысль, словно свалившаяся с неба, несущая с собой надежду, стрелой вонзилась в мозг Левшина, и

он лихорадочно стал одеваться... Жена посмотрела сначала на него с испугом, затем махнула рукой и вышла из кабинета. А Владимир Аркадьевич, накинув па плечи меховое пальто, побежал на соседний двор, где, в лачужке, жил Мирошка.

Жена сказала правду: сапожник в ночь повесился, и его тело отвезли в часовню при участке. Но у домовладельца Левшин нашел околоточного, сидевшего за графинчиком водочки и закусками и писавшего протокол.

Ловко сунутая околоточному трешница сделала то, что через пять минут в кармане у Владимира Аркадьевича лежал кусок веревки, на которой повесился сапожник.

И с этим талисманом Левшин не шел, а летел домой...

* * *

В клуб Владимир Аркадьевич приехал позднее, правильно рассчитав, что нужно пробовать счастье только в крупной игре. Он был весело и уверенно настроен: в кармане лежал «талисман», а в бумажнике – четыре сотни рублей, нашедшиеся у Анны Власьевны, когда муж рассказал ей, какое счастье ему привалило.

– Смотри... – сказала жена, – отдаю последнее! Копила столько времени на послезавтрашний день!

За большим столом сидело человек пятнадцать, игравших в «железку». Левшин выждал, когда один из игроков «очистился», и сел на освободившееся место. Но понтировать не

хотел, ожидая, когда можно будет заложить банк.

«Заложу все четыреста! – думал Левшин, пока узкий лоток с картами путешествовал по зеленому сукну. – Все равно: пан, или пропал! И не буду снимать, пока не пройдет пять карт! Не Бог весть сколько: пять карт!.. Вон вчера у Хохрикова семь карт прошло, и заложил он всего двадцать рублей... А снял с лишком две тысячи! Раз у меня теперь такой талисман... – не пять... пятнадцать карт пройти может!»

Он решил пропустить пять карт, во-первых, потому, что сегодня было пятое число, и, кроме того, последняя цифра номера извозчика, на котором ехал в клуб Владимир Аркадьевич, была пятерка.

Лоток быстро двигался к Левшину. На столе лежали груды кредитных билетов и кучки золота... И все это ходило по всем направлениям стола, часто меняя хозяев.

Настала очередь Левшина.

– Четыреста! – крикнул он, кидая на стол четыре сотенных и придвигая к себе лоток с картами. – Двести покрыто! Триста пятьдесят! Осталось пятьдесят!.. Все сделано!..

Партнер открыл шестерку. У Левшина набралась семерка.

– Восемьсот, – звучно кинул он и похлопал по деньгам. – Шестьсот! Покрыты все восемьсот!..

Открыл себе девятку. Образовалась уже тысяча шестьсот.

«Снять половину?.. Ведь, имею же право, как открывший „дамбле“! Или оставить?.. Эх, куда ни шло!»

И торжественно, как колокол в праздничный день, заявил:

– Не снимаю! Идет одна тысяча шестьсот!

Побил и эту карту. Сердце вдруг забилося так сильно, что казалось: вот-вот разорвется...

В банке было три тысячи двести...

Шла пятая карта. Могли быть шесть тысяч четыреста – и радость семейная, и чистая, без долгов, торговля! Прошла бы только пятая карта!..

– Даю!..

Себе купил пятерку. Партнер остался «на своих».

«Что делать? – плыли в мозгу Левшина хаотические, полные ужаса и надежды мысли. – Остаться на своих? Прикупить?.. Ну, была не была: прикуплю!»

Прикупил. И дьяволом с пятью глазами глянула на Владимира Аркадьевича прикупленная пятерка...

Он слышал, будто сквозь сон, как кто-то торжественно крикнул:

– Жир!

Видел чьи-то крючковатые пальцы, потянувшиеся за деньгами, его деньгами. Шатаясь, вышел из клуба, нанял извозчика и долго ехал к своей Серпуховской заставе...

Мелкий, противный снег падал с мохнатого, темного неба... И, падая пухом на щеки Владимира Аркадьевича, смешивался с жуткими, обидными слезами...